

Литературный очерк:

«Данечка»

Автор: Клейво О.

Это история мысли и веры в мысль, исключительную мысль ребенка, который не может говорить, ходить, держать ложку в руках. Но есть вера непоколебимая как маяк в темноте океана, вера в то, что такие дети – это Дар Божий, самые удивительные существа, у которых есть чему поучиться нам: взрослым и здоровым, с руками-ногами и умением кричать по поводу и без повода. Это история тоже крик, но немой, крик души, попытка быть настоящим человеком.

ДАНЕЧКА

В младенческой темноте бытия учусь быть, только мысли:

«Опять мама кричит, мама часто так делает, а мне больно. Зачем расстраивать маму, мы же семья, зачем она все-таки кричит? У меня тут все бурлит, когда она так делает, даже дышать сложно, а я кушать хотел. Во всем виноваты слова, они открывают рты и говорят гадости. Недавно мы с мамой смотрели кино, там какие-то страшные существа, не похожие ни на маму, ни на папу, ни на сестру и даже на брата не похожие, так вот они

своими ртами уивали друг друга, грызли, сейчас мама с сестрой тоже друг друга, наверно, загрызут, как страшно. Когда я выйду туда, к маминым теплым рукам, я не скажу ни слова, не хочу никого жалить, я люблю их, а слова убивают. Хотя иногда, когда мама не кричит, она гладит меня и говорит другие слова, приятные они щекочут меня, и я смеюсь, а мама радуется и говорит, что чувствует меня. В такие моменты я ощущаю каждым волоском, они у меня уже выросли, такие мягкие, так вот, я каждой своей волосинкой, как будто прикасаюсь к любви, это любовь к жизни, к миру и к маме, все вокруг меня становится любовью, я в ней купаюсь. Все и без слов понятно, тогда зачем говорить, словами нужно бить, а я не хочу, я буду широко улыбаться, и мама увидит, как сильно я ее люблю. Бог, пожалуйста, пусть перестанут кричать, я ни слова не скажу, честно, только пусть маме не будет больно. Я еще не видел моря, но знаю, что такое шторм: кипит стихия, и нет дела до того, что кто-то маленький хочет жить. Боженька, пусть это закончится, пожалуйста. Пожалуйста, пришло бы теплое и пушистое счастье, такое же, как мамины слова, прислонилось ко мне и спело песню. Пушистое счастье часто поет, у него какой-то свой совершенно чудесный язык, непохожий на мамины слова, но такой замечательный, как и оно само. Счастье никогда не говорит о плохом, не кричит, прислоняется и поет, нежно так. Я не стану говорить на мамином языке, я буду делать как счастье: урчать, когда хорошо и мяукать когда что-нибудь нужно. Кстати, у моего счастья есть имя, его зовут «Максим» или «Кыс-кыс», это, наверное, фамилия, жаль, что меня назовут по-другому, так хотелось бы быть чьим-нибудь счастьем.

Иногда я думаю: «Что ждет меня там за стеной, за пределами того уюта и радости, что окружили меня сейчас?. Здесь я с ног до головы окружен чем-то щемяще-приятным, но что будет там, где ближе мамин голос, где прикоснусь к семье. Мне страшно, я очень боюсь родиться, и в то же время мне этого хочется. Это неизведанное за стенкой и притягивает, и пугает. Я боюсь больницы, мы с мамой ходим туда каждый месяц, там иногда мне делают больно, чужие железные руки трогают мой маленький мир. Я боюсь, что эти холодные щупальца однажды мой мир отнимут, я совершенно точно знаю, что такое возможно. Каждый раз, когда мы с мамой в больнице, я чувствую страх таких же, как я, и боль тех, у кого все-таки отнимают их теплую жизнь, отнимают маму. Люди в больнице опасны, но если бы только в больнице, таких людей много. У меня тут, конечно, просто чудесно, тепло под маминым сердцем, но ведь там за стеной маминого тепла большой красивый и уютный мир под солнцем, мир для всех. Я не понимаю, почему люди, которые живут в этом мире, все время посягают на мою крошечную собственность. Врачи, мамины, вечно говорящие подружки – все они дают советы, ищут пути как бы сделать так, чтобы меня не было, но я уже есть... Ну и пусть, пусть говорят что хотят, пусть цокают надо мной и улюлюкают. У меня есть семья, они меня любят и делают мой мир совсем счастливым. Гладят словами и прикосновениями, делают приятное. Особенно в последнее время меня радуют бананы, не знаю точно, что это такое, но это очень вкусно и нежно, я от них улыбаюсь и мама тоже. Как же мне хочется их всех обнять поскорее и маму, и папу, и сестру, и брата.

Я узнал, что когда я рожусь, то буду все-таки не котом, как Максим, а человеком. Человек – странное существо, не знаю хочу ли я им быть ... Говорят, что люди своими руками умеют творить чудеса, делать удивительные вещи. Но здесь, в моем крошечном доме чудес руками никто не творит поэтому точно я не знаю: способны люди на такое или же нет.

Совершенно точно я знаю другое: своими руками люди могут управлять, командовать, как солдатами на войне, причиняя боль окружающим. Если избивание слабых и беззащитных там, на большом свете, называется чудом, то, пожалуй, стоит всерьез задуматься: «Стоит ли мне вообще родиться?». Сегодня мама была Максима, мою пушистую радость. Я слышал, как он кричал и звал на помощь, я отчаянно бился, пытался изнутри остановить маму и все это безобразие, хотел даже выбираться наружу, но понял, что это ничего не изменит. Ничто не может остановить замах человеческой руки, которую почему-то люди считают своим достоинством. Ничто не остановить злость человека, его ярость, которой он выжигает все внутри себя, даже собственного ребенка. Снаружи это называется просто: «наказать кота», о таком названии этого кошмара я узнал вечером, когда пришла сестра, мама жаловалась ей на Максима, рассказывала, как хорошо она его наказала и воспитала. Когда рожусь я, неужели меня будут воспитывать также? Пожалуйста, пусть такого не случится, и самое главное, раз уж я человек, пусть я никого не смогу наказывать. Не нужны мне руки, пусть они мне не подчиняются, пусть ничего не творят, их может вообще не быть. Я больше не буду развивать свои руки, я отказываюсь от них, ведь самое главное в хорошем человеке - это мысли и они всегда со мной.

Чем дальше я познаю мир через небольшую свою преграду, тем сильнее он меня удивляет. Удивляет, но не всегда радует. Уже больше месяца я не прилагаю усилий для развития своей будущей речи и несколько недель не учусь управлять движением рук. Только иногда здороваюсь «по-мужски» ладошка к ладошке с братом, и трогаю теплую, даже через животик, мамину руку. Теперь я решил отказаться от ног, пусть я буду не таким как все, это не так страшно. Гораздо страшнее причинять людям боль и страдание. Ох, уж эти ноги, к каким только глупостям ни уводят они человека. Страшное случилось 3 дня назад – пропала моя сестренка. Мы все очень переживали. Мама не находила себе места: она то злилась, то плакала. Можете себе представить, что в это время творилось со мной? Я чувствовал каждый мамин нерв, каждую тревожную мысль, все здесь стонало, дрожало, выло навзрыд. Даже не могу сказать, сколько все это длилось, но за это время я твердо решил отказаться от умения уходить и убегать от мамы. Не хочу давать ей повода, еще раз переживать такие чувства, хватит в нашей семье и сестры. Она, к слову, пришла, как ни в чем не бывало, и сказала, что гуляла с подругами все это время. Мне такие прогулки не нужны, я обойдусь без них и без этих ног. Думаю, мама не станет удивляться и поймет меня, как сильно я ее люблю и не хочу расстраивать. Как много всего произошло, наконец-то можно поспать, сейчас придет Максим и споет мне колыбельную, пушистую и теплую как он сам. Все будет хорошо.

Если верить, то возможно любое чудо, хорошее непременно случится. В последнее время я очень много переживал, от многих вещей мне пришлось отказаться. Даже мама уже стала тревожиться за меня. Но жизнь налаживается, все вокруг снова очень нежное и спокойное. Очень часто ко мне подходит брат, просто чтобы поговорить, спрашивает о моих делах, я ему улыбаюсь в ответ. Мне кажется, что вся моя семья ждет дня моего рождения, да и мне уже сильно хочется обнять глазами весь большой мир. А еще очень хочется самому попробовать банан. Совсем недавно папа принес очень много бананов для мамы и меня. Я вам скажу, что это такое большое и солнечное удовольствие съесть сразу три банана, пусть пока и не совсем самостоятельно. Я был очень благодарен папе за то, что он такой заботливый.

Вот только жаль, что это все-таки не совсем мой настоящий папа, даже немного обидно, что для сестры и брата он родной, а для меня нет. Я совсем не завидую, просто мне очень хочется быть таким же добрым, как и он. И совсем не хочется быть таким, как мой настоящий отец, потому что он равнодушный, а я не люблю равнодушных людей, даже если они мои родственники. Если человек не пользуется своей душой, то он уже и не человек, ведь даже у моего кота Максима есть душа. Но думаю, что я, не смотря ни на что, смогу стать таким человеком, каким мне хочется. А пока мы с мамой будем в последний раз собираться к врачу, последний потому что я уже вот-вот появлюсь на этот свет.

Когда мы пришли в кабинет, врач меня сильно насторожил. Доктор предупредил маму, что я, возможно, рожусь не таким как все остальные. Поэтому мама была расстроена, неужели она ничего не поняла? Неужели моя мама не поймет меня, что мне так было нужно? Ведь она сама мне все это подсказала, а я просто не хотел сделать ей больно, я очень люблю маму.

Девять месяцев я представлял себе: «Как же все-таки будет происходить мое рождение?» Иногда я думал, что это будет весело, как настоящее приключение, временами я немножечко волновался, казалось, что мне жалко будет расставаться с моим безопасным и таким уютным домиком. Но представить того, что происходило на самом деле я никогда бы не смог. Это было страшно и больно, я почти ничего не помню, только мамин крик, боль, голоса врачей, и жуткий такой непривычный воздух. Я думал, что встречать меня будет вся семья, что и брат, и сестра, и папа – все будут рядом со мной в такой ответственный и важный день. Оказалось, что рождаешься ты рядом с чужими людьми, мне кажется это неправильно, я от этого сильно растерялся, даже дышать стал не сразу. Мама очень расстроилась, что я так долго не кричал, но ведь я, внутри нее, совсем не занимался своим голосом, я и сейчас не хочу кричать, но это происходит само собой.

Теперь, когда мне что-нибудь нужно, у меня из груди вырывается крик, против моей воли, мне очень хочется уметь контролировать свои крики. Очень хочется, просто молча полежать рядом с мамой, подумать о том, что мы наконец-то увиделись. Вот только мама меня не так и не поняла, она страдает от того, что я такой: мои ноги мне не подчиняются, руки постоянно сами собой прижимаются к телу, и вряд ли я когда-нибудь смогу подчинить себе свой голос. Но я не страдаю от всего этого, я по-прежнему верю, что самое главное – это уметь любить и думать. Остается надежда, что моя мама и семья пусть не сразу, но все же это поймут.

За окном лето, но дни серые, замытые как старые пеленки. Сколько дней назад я родился, даже не знаю, да и неважно это, когда дни такие одинаковые. Меня не поняли. Я рядом с семьей, и когда-то мне очень хотелось их увидеть, даже странно, что раньше мне так сильно и много всего хотелось. Теперь хочется только одного и самого важного – понимания. Только иногда с братом я чувствую, что он чувствует меня, в такие минуты брат открывает мне немного мира: выносит на улицу и кружит, от этого мне удивительно и радостно все вокруг. В такие минуты все мелькает веселой каруселью, переливаются самые разные цвета.

Конечно, мои родные меня любят, я знаю это совершенно точно, я тоже люблю их. Но вместе с доброй и ласковой любовью ко мне являют жалость. Причем жалеют меня даже те, кто совсем не любит. Жалость очень плохое

чувство. Кажется, что постоянно что-то давит теоя, прижимает к кровати, не дает жить, видеть мир, делает все дни как один долгий и грустный день – все это жалость. Меня называют инвалид и это самое жалкое слово в мире, какое только умеют произносить люди. Из-за этого постоянного груза жалости, от непонимания мне становится грустно, что я не стал таким как все, от этого появляются слезы на глазах.

Сегодня я был совсем рядом с другим ребенком, впервые в жизни. Этот малыш был обычным, не таким как я. Он удивительно раскидывал ножки и ручки в разные стороны, так что становился похожим на маленькое солнышко, говорил какие-то непонятные слова на непонятном языке, и я понял, чего от меня ждут окружающие, как нужно себя вести, чтобы никто не жалел, но все радовались. Даже попробовал также раскинуть руки и ноги, но прижавшись ко мне и окаменев, руки и ноги мне не подчинились. Что ж, я сам так решил, когда-то давно в махровой темноте маминогo чрева, и я не жалею о своем решении. Потому что все было очень хорошо, весело и солнечно в этом ребенке, кроме одного. Он не думал. Не то, чтобы у него в глазах не было совсем никаких мыслей, были конечно, но все, о чем он думал, было таким же беззаботным, как он сам. Меня же очень многое не оставляет равнодушным, я часто лежу в кровати и думаю о главном.

Мне кажется, что любовь – это самое важное. Вот у меня с мамой настоящая любовь, самая сильная и большая, я весь мир люблю через одну эту любовь. Я очень люблю сестру и брата, потому что у нас с ними одна мама, я люблю Максима, потому что мама его завела. Всякая любовь в этом мире приводит к маме. Даже взрослая любовь. Вот, например, моя сестра любит одного человека. Она любит, потому что от этого сама станет чьей-то мамой. Мой брат любит девушку, он любит, потому что хочет, чтобы она стала мамой его детей. Такая любовь делает мир добрым, делает жизнь человека бесконечной через детей, которые у них появляются. Это настоящее чудо. Но почему тогда в мире бывает зло, если у каждого человека есть мама или та, которую он может сделать мамой своих детей? Я думаю, что люди забывают про мам, про то, что мама – это так важно. Это понятно, ведь если постоянно делать что-то руками, всю жизнь куда-то бежать, кричать и думать только о своем теле можно очень многое забыть. Поэтому я даже рад, что у меня было столько времени без лишней суеты понять самые важные вещи. Я знаю, что этот мир не злой и не добрый, это каждый человек делает его тем или другим. Если веришь в добро, то мир не может быть злым. Я знаю, что нет никаких нерешимых и самых больших проблем, даже отсутствие ног или рук – это не проблема, а возможность открыть другую жизнь. Я знаю, что человек и природа это одно и то же, а значит бессмысленно бить кошек или ломать ветки на деревьях, лучше выращивать хлеб и жить им. Я знаю, что нужно обязательно думать и любить, и продолжать себя в детях. Я все это понял сам и уже никогда не забуду. Но я не для этого мира, я не могу никому ничего рассказать, не смогу любить никого кроме мамы и поэтому грустно. Я хочу увидеть другой мир, хочу радоваться и качаться на волнах лазурного моря. Хочу засыпать в теплых ладонях Бога и просыпаться под пение ангелов, хочу сам быть ангелом, обнимать родных плюшевыми крыльями воспоминаний и защищать их от невзгод. Я хочу жить в каждом из них, навсегда оставаться в их сердцах с печалью и радостями. Я засыпаю и оказываюсь на руках у брата, он снова кружит меня, весь мир проносится перед глазами, я смеюсь, смеюсь, смеюсь, и вижу как нежный молочно-банановый свет рассекает серую каменную муть».

Эпилог

Данечка умер. Его глаза, закрывшись однажды перед сном, уже больше не радовали этот мир. Какие все-таки это были глаза, они освещали мрачную действительность вокруг, подобно тому, как освещает пара светлячков черную пустоту летнего ночного неба. Жаль, что такой свет не смог развеять темноты, жаль что свет этот освещает теперь не нашу планету, не нашу жизнь. Но вместе с тем чувством щемящей несправедливости, что бывает когда понимаешь насколько это чудовищно и противоестественно, когда дети в пять лет умирают, было и другое чувство. Это сложно понять и принять для того кто остался вдалеке от подобных событий, но во всем этом кошмаре и ужасе смерти маленького человека, было ощущение того, что нельзя по-другому, чувство того, что все это произошло осознанно и изменить ничего нельзя. Детский целеребральный паралич – это слова, которые тысячам матерей не дают спать, а тысячам других, кого такая проблема не коснулась, дает право называть таких детей недоразвитыми и ставить на них крест. Это неравная борьба, борьба между добром и злом, борьба между равнодушием и страданиями, борьба между надеждой и действительностью. Оттого не хочется думать, как сложилась бы Данилкина жизнь, если бы смерть не пришла в его семью холодной своей, волчьей поступью, но вместе с черным горем пришло избавление. Избавление от бесконечного непонимания и безысходности. Даже со стороны родных и близких. Ведь сейчас сгладить жизнь человека с ограниченными возможностями, сделать ее почти такой, как у всех, реально только для города. В деревенской глуши на руках практически беспомощных, не знающих что делать матерей, умирают такие вот дети, а вместе с ними и вся Россия. Так отмираем мы, в своем равнодушии, личных делах и заботах.